

³ Панов М. В. // Уч. зап. Моск. гос. пед. ин-та. М., 1956. Т. 51. Вып. 5. С. 143.

⁴ Ермакова О. П. Лексические значения производных слов в русском языке. М., 1984. С. 5, 6.

⁵ См.: Мельчук И. А. // Изв. АН СССР. Сер. лит. и языка. 1968. Т. 27. Вып. 5; Гловинская М. Я. // Развитие современного русского языка. 1972. Словообразование. Членимость слова. М., 1975; Ермакова О. П. Указ. раб. С. 25.

⁶ Кубрякова Е. С. Типы языковых значений: Семантика производного слова. М., 1981. С. 69.

Н. Б. МЕЧКОВСКАЯ, Н. М. ГУРИНА

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ПРЕЗЕНТАЦИИ РЕЧИ И СМЕЖНЫЕ ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ КАТЕГОРИИ

Рефлексия говорящих над процессами языковой коммуникации, с одной стороны, и метаязыковая функция речи, с другой, обуславливают наличие в каждом языке тех или иных средств передачи речи и построения высказываний о языке/речи. Рефлексивность языка (т. е. возможность мысли и речи о языке с использованием его речемыслительных механизмов и лексико-грамматических средств) — это одна из тех семиотических универсалий, которая отличает язык людей от языка животных¹.

В филогенезе наиболее ранние результаты рефлексии над языком закрепляются в древнейшей лексике и фразеологии со значениями (часто синкретичными) 'говорить, спрашивать, отвечать', 'сообщать, знать, понимать, думать', 'сказанное, речь, слово'; в паремииологии²; в мифопоэтических и обиходных представлениях разных народов о языке. Так, согласно реконструкциям Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова, древние индоевропейцы, например, считали, что дар речи, наряду с двуногостью, отличает людей от животных; что боги отличаются от людей (помимо «двуногости», и «небесности») особой пищей и особым языком³. В ведической традиции есть сюжет о первичном состязании между молчащим божеством чистого разума и богиней речи; разум побеждает, однако за речь признается роль необходимой опоры творящего разума. Для христианской онтологии языка показательно, что в Евангелии от Иоанна Слово (греч. «Логос») означает второе лицо Троицы — Сына Божия; в одном из православных толкований в этой связи говорится: *Слово же в человеке во образ сына божия, понеже сын божии имат у себе два рождения, первое родися от отца неким рождением непостижным..., второе же родися без страсти истинно плотию. ...Того ради по сугубому рождению сына божия и нашего слова сугубое рождение, понеже бо наше слово рождается прежде от душа неким рождением непостижным и пребывает у душа неведомо. И пакы рождается вторым рождением и плотским, еже есть устнами изыдет и гласом в слышании объявится*⁴. Таким образом, по мысли писавшего, слово «двугубо» — духовно и телесно, и духовная сущность слова непостижима, как непостижимо рождение Христа (ср. общепризнанное в современной лингвистике мнение об особой трудности изучения семантики). Как можно видеть, уже на ранних ступенях филогенеза рефлексии над языком были выработаны определенные позитивные представления о языке и поставлены основные вопросы философии языка (язык и сознание; форма и содержание в языке; создающие возможности языка).

В онтогенезе современного человека факты метаязыковой рефлексии возможны на третьем-четвертом году жизни и обычны начиная с пятого-шестого. Метаязыковые операции осуществляются на базе парадигматических механизмов левого полушария⁵. Рефлексия выражается в сопоставлении форм и слов, в отказе от одних форм и слов и предпочтении других, в исправлении чужой или своей речи, в экспликации процесса или результата семантизации какого-то слова и т. п. При этом в одних случаях рефлектирующее сознание может использовать те или иные языковые/речевые средства, в других — обходиться без них. Оба случая широко представлены, например, в книге К. И. Чуковского «От двух до

пяти», ср.: (1) *Давай я буду покупатель, а ты продаватель.* — *Не продаватель, а продавец.* — *Хорошо, я продавец, а ты покупатель* (коррекция и языковая игра); (2) *Понимаешь, родились два мальчишка и оба называются Яшки. Их так и назвали: два Яшки [двойшки]. А когда они вырастут, их будут звать Миша и Лева* (метаязыковые средства — слова называются, назвали, будут звать).

По-видимому, языки могут различаться характером и степенью разнообразия своих метаязыковых средств. У Вейнрейх считал типологически значимой характеристикой лексического запаса языка то, насколько эффективен данный язык для своего собственного описания (степень «циркулярности», определяемости слов друг через друга)⁶. Высказывалась также мысль о типологической значимости различий языков в «модальности сказывания», т. е. в отношении говорящих к дилеммам словесного представления действительности в высказывании⁷.

Легко видеть многочисленность и в большинстве случаев полную обычность высказываний, в которых представлена и/или охарактеризована речь говорящего и/или других лиц. Так, в высказываниях *Ваня сказал: «Я жду Машу»*; *Ваня якобы сказал, что ждет Машу*; *Ваня сказал по-белорусски: «Я жду Машу»*; *«Я, так сказать, жду Машу»*, — *сказал Ваня, многозначительно растягивая слово жду* использованы следующие структурные разновидности средств презентации речи: 1) графико-пунктуационные (оформление прямой речи, включая заглавную букву в ее начале, графическое выделение слова *жду*); 2) морфологосинтаксические (союзы, модификация значения лица); 3) лексические (*сказал, по-белорусски, так сказать, многозначительно растягивая слово*). Лексические средства презентации наиболее многочисленны и разнообразны. Благодаря им возможна углубленная метаязыковая рефлексия, тонкое и точное комментирование речи.

Структура лексики, используемой для презентации речи, в общем плане определяется структурой отображаемого объекта (т. е. сферы коммуникации). Согласно представлениям, восходящим к К. Шеннону («The Mathematical Theory of Communication, 1949) и Р. О. Якобсону («Linguistics and Poetics», 1960)⁸, всякий коммуникативный акт предполагает наличие таких компонентов, как адресант, адресат, контакт (акт коммуникации, включая физические и психологические условия коммуницирования), код (общий для коммуникантов язык), сообщение (содержание коммуникации) и контекст (связанная с данным сообщением информация, предварительно известная коммуникантам). Указанным компонентам коммуникативного акта соответствуют основные группы обозначений, служащих для презентации речи.

А) Названия адресанта и адресата: *слушатель, читатель, чтец, толкователь, пишущий эти строки, радионяня, оратор, дикторша, Би-би-си, выступальщик...*

Б) Названия актов и процессов коммуникации: *говорить, спрашивать, отвечать, интервьюировать, мямлить, почемукать, кодировать, висеть на телефоне, лапшу на уши вешать...*

В) Названия кода, его элементов и характеристик: *язык, стиль, говор, феня, волапюк...; слово, фраза, выражение...; белорусский язык, социальный диалект, косноязычие, закадровый голос...*

Г) Названия видов сообщений и их элементов: *вопрос, ответ, рассказ, евангелие, сценарий, справка, речевка, шпаргалка, ноу-хау, дайджест, эпилוג...*

Д) Лексико-синтаксические средства «текущей» характеристики речи, включаемые говорящим в пропозицию (внутри структуры основного высказывания): *вообще говоря, по правде сказать, выражаясь высоким штилем, по счастливому выражению (имярек), мол, де...* Находясь на ином синтаксическом уровне по отношению к основному высказыванию, вводные конструкции имеют тенденцию к редукции лексического значения компонентов, к фразеологизации и лексикализации словосочетаний (ср. *так сказать, собственно говоря, дескать* и т. п.).

Языковой статус категории презентации речи определяется ее взаимоотношениями с некоторыми другими классами языковых явлений. С одной стороны, это тематически определенные (но по-разному определяемые в конкретных исследованиях) лексико-тематические и лексико-семантические группы слов — такие, как глаголы речи; или, шире, лексика, связанная с приемом и передачей информации; или некоторые группы обозначений интеллектуальных действий и состояний; или группы слов, объединенные дескрипторами⁹ *говорить, речь, слово* и т. п. С другой стороны, категория презентации речи сопоставима с такими функциональными (и, разумеется, не однопорядковыми) категориями, как модальность, вводность (релятивность)¹⁰, приблизительное наименование¹¹. В частности, категория презентации речи и модальность имеют некоторые общие средства выражения. Например, в простых и сложных высказываниях с изъяснительными конструкциями глаголы речи, указывая на источник той информации, которая передается данной конструкцией, вносят в высказывание большее или меньшее сомнение в достоверности события. Ср.: *Болезнью Боткина он не болел* и *Болезнь Боткина отрицает; Он придет* и *Говорил придет; Он поляк* и *Пишется поляком*. Реальность сообщаемого события не достигает нейтрально-индикативного уровня и при перформативах: *Обвинили в растрате; Клялся, что придет*.

Некоторые серии модальных частиц, вводных слов и конструкций вносят в высказывание значение большей или меньшей ирреальности, которое формируется на основе метаязыковой семантики, обусловленной их внутренней формой. Например, если говорят: *Поверьте, это в ваших интересах*, то значит, содержание основной части недостаточно убедительно; если говорится: *Повторяю, это...*, значит, говорящий не уверен, что сообщение действительно является повтором или что слушатель понимает, что это повторение; если говорится: *«Что еще важнее, . . . , значит, говорящий не уверен, что для слушателя очевидно, что «это еще важнее»*. Метаязыковой комментарий может передавать колебания говорящего в выборе языковых средств (*с ним там говорил следовательно, что ли; имитация, а еще лучше сказать, симуляция; что-то вроде сарая*). Эта текучесть или неопределенность обозначения референтной ситуации ослабляет индикативную модальность высказывания.

В гносеологическом аспекте общезыковые средства презентации речи представляют собой первичную семиотическую систему, моделирующую в коллективном сознании процессы общения. В целом это отображение / осмысление на уровне «здорового смысла» и обыденного сознания, т. е. картина наивная, но в общих чертах адекватная реальности. С развитием культуры, созданием письменности и углублением рефлексии над языком и коммуникацией формируются вторичные семиотические системы, моделирующие соответствующие феномены. Это различные в разных культурах системы представлений о языке, речи, текстах, общении — например, правила построения заданных текстов (грамматика Панини); словари иероглифов, объяснявшие их структуру и этимологию, позже также и правила чтения иероглифов (древнекитайская традиция); грамматика, риторика, поэтика и отчасти диалектика и логика в европейской античности и в Средние века; в новое время — филологическая критика текста, лингвистика и литературоведение; теория коммуникации (в качестве комплексной гуманитарной дисциплины, объединяющей семиотику, некоторые области психологии, социологии, психолингвистики, литературоведения и исследующей коммуникацию как жизненно важный компонент всех человеческих институций и объединений)¹² и др. Вторичные семиотические системы, моделирующие язык и процессы общения, возникают на основе первичной картины, формируемой естественным языком. Однако, по мере развития знания, вторичные системы приобретают более или менее специальный характер, т. е. становятся «науками». Языковые/речевые средства, используемые различными науками о языке и коммуникации, составляют соответствующие ме-

таязыки (метаязык лингвистики, метаязык теории коммуникации, метаязык нейролингвистики и т. д.). Содержательным ядром специальных метаязыков является терминология соответствующих дисциплин.

Таким образом, метаязыки могут быть противопоставлены средствам презентации речи по признаку «специальный (терминологический) — общий характер», однако между специальными метаязыками и нетерминологическими средствами презентации речи имеется генетическая связь: в конечном счете они представляют собой две ступени рефлексии над языком, два уровня проявления метаязыковой функции речи.

Анализ средств презентации речи представляет интерес в трех аспектах. Во-первых, в аспекте культурологии: данные о составе языковых средств презентации речи в разных языках, а также о тенденциях развития таких средств в определенные периоды истории могут быть полезны для понимания типологии коммуникативных процессов в социумах. Во-вторых, в аспекте лингвистической гносеологии: такой анализ отвечает естественному для всякого специального знания интересу к общечеловеческим (непрофессиональным) представлениям о «своем» предмете, т. е. в данном случае — интересу лингвистов к обиходным представлениям о языке/речи и языковом общении. В-третьих, в чисто лингвистическом плане: встает вопрос о способности определенной содержательной интенции общения (в данном случае — метаязыковой функции языка/речи) объединить достаточно разнородные языковые средства в некоторую языковую общность — функциональную категорию презентации речи. Если такое объединение поддерживается известной общностью в плане выражения, то встает вопрос о выявлении и интерпретации таких черт и, далее, об определении места категории презентации речи в ряду сопоставимых явлений языка.

¹ См.: Хоккет Ч. // Новое в лингвистике: Языковые универсалии. М., 1970. Вып. 5. С. 58.

² Ср.: диапазон аспектов коммуникации, запечатленный, например, в таких русских поговорах: *Язык телу якорь; От слова не сбудется; Сказано — серебро, не сказано — золото; Молвить — не воротить, плюнешь — не поднимешь; Ради красного словца не пожалеет родного отца; Язык — враг: прежде ума глаголет; Красна речь с притчею.*

³ См.: Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси, 1984. Ч. I—II. С. 471 и далее.

⁴ Цит. (с графическими упрощениями) по изданию: Исследования по русскому языку. СПб., 1885—1895. Т. I. С. 675—676.

⁵ См.: Якобсон Р. О. // Афония и восстановительное обучение: Тексты. М., 1983. С. 141; Он же // Бессознательное: природа, функции, методы исследования. Тбилиси, 1978. Т. 3. С. 163.

⁶ См.: Вейнрейх У. // Новое в лингвистике. Вып. 5: Языковые универсалии. М., 1970. С. 221.

⁷ См.: Сахно С. Л. // Всес. конф. по типологии: Тез. докл. М., 1990. С. 143.

⁸ Русский перевод опубликован в кн.: Структурализм: «за» и «против». М., 1975.

⁹ См.: Караулов Ю. Н. Частотный словарь семантических множителей русского языка. М., 1980; Русский семантический словарь. М., 1983.

¹⁰ См.: Япон М. В. Смысловая структура сложного предложения и текст: К типологии внутритекстовых отношений. М., 1986.

¹¹ См.: Сахно С. Л. // Вопросы языкознания. 1983. № 6.

¹² См.: Williams F. The New Communications. Wadsworth, 1989; International Encyclopedia of Communications. Oxford; New York; Toronto, 1989. V. 1—4.

О. М. ГАЛАЙ, Н. К. ЗУБОВСКАЯ

СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ АТРИБУТИВНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ В РУССКОМ, НЕМЕЦКОМ, ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ

Сравнительно-сопоставительное изучение двух или нескольких языков независимо от родства и территориальной распространенности предполагает выявление в них отношений изоморфизма и алломорфизма.

Задачи сопоставительного изучения языков ставятся и решаются на